
ЛЕВЫЕ ВО ФРАНЦИИ

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ? О ФРАНЦУЗСКИХ ЛЕВЫХ

Г.Н. Канинская

Политическая, социальная и культурная история Франции вот уже более чем два столетия трактуется исследователями разных направлений через дихотомию «левые-правые». Стало аксиомой считать временем их появления на свет август 1789 г., когда вскоре после взятия Бастилии в большом зале Версальского дворца Малых забав собрались депутаты Учредительного собрания, чтобы обсудить вопрос о праве вето короля. Описание обстановки в стране в тот момент приводится во многих фундаментальных трудах, вышедших из-под пера именитых французских авторов¹. Сошлемся на одну из последних работ М. Винока. Он пишет: «Противники вето Робеспьер, Барнав, Петийон заняли места слева от председателя собрания Клермон-Тоннера, как они уже предельвали не раз. Напротив этой «левой стороны» единым фронтом восседала «сторона правая», защитники абсолютизма Мирабо-Тонно, аббат Мори, Казалес... Так появились левые и правые. С той далекой поры понятие «левые» наполнилось новым смыслом, получило широкое распространение за пределами Франции и почти повсюду стало символизировать тех, кто противостоял реакционерам, консерваторам, защитникам устоявшегося порядка, отвергавшим свободу и равенство – важнейшие принципы эмансипации»².

С учетом приведенного выше отрывка стоит выделить два важных обстоятельства: во-первых, факт бинарной логики противостояния ле-

Галина Николаевна Канинская – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

1 См., например: Les lieux de mémoire / Sous dir. P. Nora. Vol. 2. P., 2536; Histoire des gauches en France / Sous dir. J.-J. Becker et G. Candar. Vol. 1. P., 2004. P. 51-52; *Winock M.* La gauche en France. P., 2006. P. 7.

2 *Winock M.* Op. cit. P. 7.

вых и правых и по сей день лежит в основе общественно-политической идентичности французских граждан, составляя национальную специфику истории страны. Во-вторых, последующее применение образа противоборства между «левыми» и «правыми» уже в мировом масштабе долгое время подпитывало миф о французской исключительности.

Мне хотелось бы поделиться личными впечатлениями об одном эпизоде политической борьбы, произошедшем во время моей работы приглашенным профессором в парижском Институте политических наук в 1998 г. В январе того года премьер-министр Л. Жоспен, социалист и глава правившей тогда левой коалиции, выступая в Национальном собрании по случаю 150-летия отмены рабства во Франции, спровоцировал политический скандал, приписав эту заслугу исключительно левым силам и намекнув на имманентную реакционность правых. В знак протеста правые депутаты демонстративно покинули зал заседаний. Новость о происшедшем в Бурбонском дворце моментально дошла до СМИ, которые ухватились за нее, готовясь назавтра подать как «информационную бомбу». В тот вечер я как раз была в гостях М. Винока, и видела, как его телефон буквально разрывался от приглашений выступить по радио и телевидению с комментариями к этому историко-политическому казусу. В конечном итоге, Л. Жоспен, не дожидаясь «взрыва», на следующий день принес публичные извинения правой парламентской оппозиции, и конфликт был исчерпан. Быть может, данный эпизод выглядит не слишком существенным по сравнению с другими многочисленными и куда более острыми политическими баталиями между левыми и правыми, постоянно сотрясающими своды французского парламента, однако он наглядно демонстрирует наличие некоего исторического и пространственно-временного контекста, к которому левые до сих пор обращаются в поисках собственной идентичности.

В общем виде мифологема левой идеологии образно и емко сформулирована в ряде работ видных французских специалистов. Ж-Ж. Беккер, например, констатирует: «У левого репутация лучше, чем у правого. Себя с легкостью относят к левым. К ссылкам на левых предков прибегают в родословных, невзирая подчас на то, что жизненный путь последних таковым не являлся. Правыми называются осторожно, используя лингвистические увертки. Гораздо более выгодно причислять себя к центру, пусть даже и к правому; а если позволяют обстоятельства,

относить себя к “большинству”³. Аналогичную тональность можно уловить у М. Винока, когда он отмечает: «В 1959 г. голлистская партия ЮНР отказалась сидеть справа, рассредоточив свои места по всему полукруглому периметру зала заседаний Собрания, настолько гнетущей была дискредитация его правой стороны»⁴. Работая над проблемой поиска французскими гражданами референтной группы, наилучшим образом отвечающей их политическим воззрениям, к которой они хотели бы себя причислить, многие исследователи пришли к выводу: в общественном мнении глубоко укоренилось представление, что «человек левых взглядов – сторонник прогресса, а правых – консерватизма, тогда как открытость прогрессивным новшествам ценится гораздо выше, чем приверженность консерватизму»⁵.

Безусловно, за более чем двухсотлетнюю историю «игроки» на левом политическом фланге сменялись неоднократно. Важно, что при этом зачастую менялись и представления о том, кого причислять к «прогрессивным левым», а кого к «консервативным правым». Даже в 1789 г. деление на левых и правых было довольно условным: прежде всего пространственным, отчасти идейным, и никоим образом не институциональным. Во-первых, среди сторонников обоих политических течений находились революционеры, противники абсолютной монархии, которые вместе представляли собой антагонистический контрреволюционерам левый политический спектр, при этом с самого начала весьма неоднородный. Во-вторых, понятие «партии» в дискурсе 1789 г. имело в целом крайне негативный смысл («партия короля», «партия двора») и воспринималось в качестве антонима таким объединяющим ценностям революционной идеологии, как нация, отечество, республика⁷. В данной связи М. Гоше отмечает: «Не только не совсем верно полагать, будто Революция создала это разделение (на левых и правых – Г.К.) в привычном для нас смысле, но, более того, следует подчеркнуть, что она очень старалась его преодолеть. Куда точнее рассматривать сделан-

3 Histoire des gauches. P. 723.

4 Winock M. Op. cit. P. 8.

5 Histoire des gauches. P. 723.

6 К примеру, за абсолютное вето короля – вопрос, вызвавший первое размежевание на «левых» и «правых» наряду со сторонниками абсолютной монархии выступали такие видные деятели начального этапа Революции, как Ж.Ж. Мунье, Т.Ж. Лалли-Толандаль, Ж. Малле дю Пан и др.

7 Vovelle M. La gauche sous la Révolution: naissance d'une notion // Histoire des gauches. P. 53.

ное ею как фальстарт в начале пути»⁸.

Исчерпывающим образом сложившуюся ситуацию охарактеризовал М. Огюлон: «Левая во Франции симметрична правой, а вместе они составляют систему. Но во Франции существует также давняя революционная традиция, замешанная на сочетании идеологического экстремизма с социальным протестом, которая отвергает эту систему, а зачастую и борется против нее. Когда революция отрицает установленный порядок, она вдохновляется этой традицией и не признает лежащий в его основе политический дуализм. Так происходило неоднократно. Но в другие моменты революция – хотя и не всегда имея на то основания – провозглашает себя левой, присваивая это ставшее популярным и электорально притягательным во Франции XX века определение, идентифицирует себя с ним и претендует на его цвета»⁹. Не лишено оснований и мнение М. Огюлона о том, что «Франция при республике» раскололась на три составляющие: «левая, правая и революция»¹⁰. В другом месте своего исследования он подчеркивает, что левая ассоциировалась с «Добром», правая – со «Злом», а революцию еще иначе называет «неповиновением»¹¹.

Как бы то ни было, принципы революции 1789 г. и питавшие их идеи Просвещения послужили основой левых философско-этических теорий. Наметились также контуры большого левого пространства, на котором с той поры и до наших дней создавались и уживались, хотя и не без конфликтов, разные политические «семьи». Весьма удачную, на наш взгляд, их типологизацию предложил М. Винок. Он выделил три основных левых течения – республиканское, социалистическое и коммунистическое, ведущие свое происхождение от трех революций «1789 года; промышленной XIX века и большевистской»¹². А наряду с этими тремя течениями – четвертое, «никогда не перестававшее подогревать их, находясь либо рядом, либо в стороне»¹³. Его М. Винок обозначает как ультралевое или «критическое левое», подчеркивая, что эта «левая сторона левого фланга» не только подстегивала первые три, но

8 *Gauchet M.* La droite et la gauche // *Les lieux de mémoire.* P. 2539-2540.

9 *Augulon M.* Histoire de contenus: des programmes aux attitudes // *Histoire des gauches.* P. 24.

10 *Ibid.*

11 *Ibid.* P. 27.

12 *Winock M.* *Op. cit.* P. 8.

13 *Ibid.*

иногда стояла у их истоков. Иными словами, уже с момента зарождения во Франции левой политической традиции в ней самой присутствовал дуализм: она тоже делилась на правое и левое крыло.

Как развивалась история левой политической традиции под влиянием этого дуализма?

Республиканцы

В годы Реставрации, когда слово «республика» было запрещено даже произносить, а революционеры жестоко преследовались и оказывались либо в тюрьмах, либо в эмиграции, левые назывались «либералами». Между тем, именно тогда наметилась институционализация левых и правых партий в парламенте. Противясь попыткам ультрароялистов вернуть Старый порядок, либералы выглядели носителями левых идей, хотя их требования отнюдь не были республиканскими. Они выступали лишь за индивидуальную и политическую свободу, причем главным образом – свободу печати. М. Винок классифицирует либералов того периода как «династическую левую»¹⁴. Она защищала демократические ценности, но в условиях того времени ее призывы звучали как революционные.

Собственно республиканцы заявили о себе в годы Июльской монархии. Они группировались первоначально в разных ассоциациях, для которых непререкаемым авторитетом был А. Ледрю-Роллен, один из главных редакторов газеты «Реформа». Требования его последователей шли дальше либеральных не только потому, что эти люди были ярыми сторонниками республики, но и потому, что они выступали за углубление демократии, добиваясь, прежде всего, введения всеобщего избирательного права и социальных реформ. Звездный час левых республиканцев настал во время революции 1848 г., когда поддержанный широкими народными массами Ледрю-Роллен провозгласил рождение Второй республики.

Очередная идейная перегруппировка левых произошла в период становления Третьей республики, где-то в 1875-1877 гг. Она началась в рядах «парламентской левой». Оказалось, что, придя к власти, новые лидеры республиканцев – идейные наследники Ледрю-Роллена по-

14 Ibid. P. 10.

разному видят республиканское устройство. Ж. Ферри и Л. Гамбетта ратовали за то, чтобы покончить с баррикадами и упрочить республику, опираясь на многочисленную крестьянскую массу и соблюдая умеренность в политике. Их сторонников стали называть «умеренными» или «оппортунистами». Однако им противостояли более «непримиримые» левые, противники таких республиканских институтов, как Сенат и избираемый на семилетний срок президент. Возглавляли их Ж. Клемансо, К.Пеллетан, А. Бриссон, а называться они стали «радикалами».

Вскоре радикалы превратились в главную левую силу в парламенте. Им принадлежала и пальма первенства в партийном строительстве во Франции, так как созданная ими в 1901 г. партия радикалов и радикал-социалистов уже представляла собой политическую партию в современном понимании этого слова. Более того, в избирательную кампанию 1902 г., когда радикалы составляли большинство победившего Левого блока, в политический лексикон электорального процесса окончательно вошло слово «левый». Также радикалы во время «дела Дрейфуса», выступая как активные дрейфусары, во многом способствовали формированию в общественном сознании идеального образа гражданина левых взглядов. Наконец, благодаря одному из своих лидеров Э.Комбу радикалы подняли знамя борьбы за светскую республику, завершившуюся в 1905 г. отделением церкви от государства. «Умеренные» же республиканцы в эти бурные годы плавно дрейфовали к союзу с правыми. Республика отныне перестала считаться прерогативой левых, так как ее основатели размежевались и находились теперь как среди собственно левых, так и среди собственно правых.

Партию радикалов условно можно считать последней носительницей идеалов республиканского направления левых. Ее политическое кредо сформулировал Л. Буржуа в работе «Солидаризм» (1896)¹⁵. В сжатом виде оно сводится к двум главным постулатам: защита индивидуальной собственности, созданной своим трудом, и социальная ответственность производителей друг перед другом. Политический идеал радикалов – превращение наемных тружеников в мелких частных производителей-собственников. Радикалы неизменно подчеркивали приверженность экономическому либерализму в противовес любому типу коллективизма, но в то же время защищали «маленького челове-

¹⁵ *Bourgeois L. Solidarité*. P., 1896. P. 47.

ка» от могущественных монополий, выступая против неограниченной свободы предпринимательства и за регулирование государством финансовой сферы. Находясь у власти в 1914 г., они инициировали закон о налоге на капитал, а один из их лидеров Э. Даладьё в период правительства Народного фронта использовал для обозначения богатейших слоев общества определение «двести семей», имевшее в целом негативную коннотацию и прижившееся с тех пор в политическом лексиконе. Доктрина солидаризма предполагала также «борьбу за школу» как «главную освободительницу Народа»¹⁶. Находясь у власти, радикалы добились не только отделения школы от церкви, но и свободного доступа к образованию для всех французов, независимо от их социального происхождения и положения. С этой целью радикал Э. Эррио, возглавив правительство в 1932 г., создал вместо министерства Народного просвещения министерство Национального образования.

Радикал-социализм был настолько влиятелен в Третьей республике, что она сама долгое время ассоциировалась с партией радикалов. Тем не менее, после Второй мировой войны значение республиканской левой в лице партии радикалов стало неуклонно падать. Некоторые их ценности – такие, например, как светский характер республики – стали нормой жизни. Другие – такие, как защита мелких производителей – не выдержали испытания временем, ибо численность рабочего класса неуклонно росла. Попытка обновить доктрину радикализма и придать партии современный облик, предпринятая в середине 1950-х гг. П. Мендес-Франсом, одним из наиболее сильных лидеров радикалов в послевоенной истории, окончилась неудачей. Дискуссия вокруг самоидентификации партии радикалов в качестве левой привела в 1972 г. их к расколу, не преодоленному и по сей день.

На первый взгляд, может показаться, что республиканская левая ослабела из-за своих междоусобных распрей. Однако корни этого лежат глубже: в конце XX в. ее оттеснило от власти другое левое течение – социалистическое. Партия левых радикалов (ПЛР) теперь неизменно выступает младшим партнером социалистов, составляя с ними единые списки на выборах всех уровней. По результатам парламентских выборов 2007 г. ПЛР имеет в Национальном собрании 7 депутатов.

Насколько необратимо случившееся? Кризис коммунистической

16 Ibid. P. 63.

идеологии в конце XX в., ослабивший притягательность и социалистической доктрины в целом, привел к оживлению республиканской левой в наши дни. От ее имени выступают новые лидеры и партии, несоциалистические по определению, но объединенные общими ценностями борьбы за светскость и социальные права человека и гражданина теперь уже единой Европы – в некотором роде солидаризм XXI в. К тому же своим политическим долголетием левые радикалы во многом обязаны присущему части французов своеобразному «духу радикализма» электоральной традиции, позволяющей сохранять «бастионы радикализма» в некоторых регионах страны.

Социалисты

В отличие от радикалов, не желавших становиться классовой партией, социалисты с самого начала провозгласили себя партией рабочих, которых по мере развития промышленной революции и капитализма становилось все больше. Процесс индустриализации породил «социальный вопрос» – необходимость создать рабочим условия для достойного существования. Социалисты предлагали решить этот вопрос революционным путем: изменить общество, уничтожить капитализм и построить мир, в котором люди будут равны друг другу. Революция должна была привести к отмене частной собственности, обобществлению средств производства и справедливому распределению социальных благ. С момента появления социалистических идей и до возникновения на их основе политической партии прошло определенное время, наполненное чередой классовых столкновений, в которых формировалось организованное рабочее движение. Парижская Коммуна 1871 г., ее поражение и расправа над революционерами отсрочили появление крупной рабочей партии.

Социалистическая левая превратилась в реальную политическую силу во Франции лишь в 1890-е гг. При этом с самого начала в ней просматривались два конкурирующих течения, по-разному видевших идеальную модель социализма. Одно было представлено парламентской фракцией, возникшей в 1893 г., другое – профессиональным союзом рабочих Всеобщей конфедерацией трудящихся (ВКТ), появившейся в 1895 г. Не помогло преодолеть разногласия и объединение социалистов в 1905 г. в единую партию – Французскую секцию рабочего Интернационала

(СФИО). Несмотря на то, что накануне Первой мировой войны социалисты имели сотни депутатов в парламенте, превратившись во вторую по значимости левую партию после радикалов, дуализм, заложенный изначально в социалистическом движении, не исчез. В отличие от таких стран Западной Европы, как Англия, Германия, Швеция, политический социализм во Франции не принял форму социал-демократической организации, предполагающую союз между партией и профсоюзным центром. Здесь эти институты продолжали существовать автономно. К тому же их представления о социалистическом переустройстве общества сильно разнились. Опираясь на марксизм, СФИО выступала за установление социализма через завоевание политической власти, а ВКТ, находясь на анархо-синдикалистских позициях, напротив, предлагала государству упразднить путем всеобщей забастовки. Таким образом, во Франции сосуществовали «социализм партии» и «социализм прямого действия». При этом последний тоже «раздваивался» в том, что касалось парламентской и электоральной стратегии. Большинство социалистов, как и их кумир Ж. Жорес, считало, что необходим союз с республиканцами – радикалами. Меньшая же часть, ведомая Ж. Гедом, отстаивала идею «чистого социализма», зиждущегося на платформе классовой борьбы. Вместе с тем, у французских социалистов существовало четкое представление о лимитах интеграции в парламентскую политическую игру. Все они отрицали «бернштейнианский ревизионизм» марксизма и долгое время не могли себе представить возможности существования социалистического правительства в условиях неизменности капиталистического общества. Первая мировая война и возникшее тогда национальное единение всех политических сил Франции, казалось, открывали благоприятную возможность для преодоления подобных предубеждений, но «ревизии классового сознания» социалистов не случилось. Напротив, под влиянием Октябрьской революции в России большинство социалистов предпочло выйти из СФИО, чтобы основать коммунистическую партию.

Меньшая часть социалистов, те, кто по выражению их лидера тех лет Л. Блюма, остались «хранителями старого дома» СФИО, тем не менее, тоже не отказалась от марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Однако, очутившись между радикалами, не собиравшимися «отменять» капитализм, и коммунистами, считавшими социалистов предателями, СФИО все же не могла не

подновить свою доктрину. Ее признанным теоретиком стал Л. Блюм, наметивший две возможных стратегии. Первая в ситуации, когда социалисты получали большинство в парламенте предполагала «осуществление власти» в условиях капитализма в союзе с левыми республиканцами для того, чтобы не дать прийти к власти правым. Вторая по-прежнему нацеливала социалистов на «завоевание власти», то есть на революцию и ликвидацию капитализма. Новая доктрина позволяла социалистам не только неоднократно участвовать в правящих кабинетах межвоенного периода, но и возглавить в 1936 г. правительство Народного фронта, которое опиралось даже на поддержку коммунистов. Подобная «доктринальная расщепленность» была присуща политической культуре социалистов до начала 1980-х гг.

В первые годы после Освобождения Франции генеральный секретарь СФИО Д. Мейер, которому в годы Второй мировой войны удалось восстановить партию в подполье, попытался сделать ее социал-демократической, наподобие лейбористской в Великобритании, то есть объединить в одной большой «левой семье» на платформе ревизионизма и собственно социалистов, и профсоюзы, и левых католиков. В 1946 г. вопрос о реорганизации СФИО обсуждался на первом послевоенном съезде социалистов, где против линии Мейера на «отход от марксизма» резко выступил Ги Молле – один из новых молодых лидеров партии. Большинство социалистов поддержало Ги Молле, избрав его генеральным секретарем, а, следовательно, высказалось за то, чтобы СФИО осталась «классовой партией». Впрочем, и при Ги Молле, СФИО не отказалась от того, чтобы при случае, по теории Л. Блюма, «осуществлять власть». Это позволило социалистам в годы Четвертой республики не только участвовать в многочисленных коалиционных правительствах, но и неоднократно их возглавлять.

Зачастую социалисты, становясь премьер-министрами, проводили политику, противоречившую идеям классовой солидарности. В 1945 г. правительство Блюма развязало колониальную войну в Индокитае, в 1947 г., кабинет П. Рамадье инспирировал исключение коммунистов из правительства, в 1954 г. Ги Молле начал войну против национально-освободительных сил Алжира, а в 1956 г. сверг страну в Суэцкую авантюру. Расхождение между теорией и практикой привело в 1959 г. к расколу СФИО и возникновению Автономной социалистической партии (АСП), преобразованной год спустя в Объединенную социалистиче-

скую партию (ОСП). Отбросив рассуждения о «классовости», ОСП открыто выражала приверженность идеям социал-демократии.

В 1971 г. на съезде СФИО в Эпине Ги Молле был отстранен от руководства партией. С этого момента и на многие десятилетия вперед бессменным лидером социалистов стал Ф. Миттеран, сформировавший новую партию – Французскую социалистическую (ФСП). Долгосрочная стратегия Миттерана предполагала создание союза всех левых сил и приход их к власти. В тактическом плане ФСП усилила в своей риторике «революционную составляющую». Миттеран повел борьбу за власть под лозунгом «разрыва с капитализмом». Благодаря этому, ФСП в 1972 г. подписала с коммунистами Совместную программу левых сил (СПЛС), а к 1978 г. совершила «электоральную революцию» среди левых, превратившись в их лидера. В 1979 г. на съезде в Меце курс на «социал-демократический поворот», за который ратовал лидер ОСП М. Рокар, не получил поддержки, и в 1980 г. его партия вошла в ФСП. Наконец, в 1981 г. ФСП впервые в истории Пятой республики победила на президентских и парламентских выборах: Миттеран стал первым президентом-социалистом. Знаменательным было и участие коммунистов в правительстве левых сил.

Впрочем, правление Миттерана показало, что на деле социалисты не собираются делать революцию и «разрывать с капитализмом». Проведенные в 1981-1982 гг. национализация и социальные реформы лишь «расшатали» капитализм. Иными словами, на практике ФСП воплотила в жизнь идею Блюма об «осуществлении власти», а ее реформаторство не выходило за рамки социал-демократической платформы. Подтверждением тому служит выход из ФСП в 1991 г. ее левого крыла во главе с Ж.-П. Шевенманом, который создал автономную партию «Движение граждан». Тот факт, что ФСП дополнила институциональный механизм Пятой республики политикой «сосуществования» социалиста-президента Миттерана с правыми кабинетами Ж.Ширака (1986-1988) и Э. Баладюра (1993-1995) после победы правых на парламентских выборах, свидетельствует о том, что социалистов вполне устраивает практика мирного чередования у власти левых и правых.

Следующий правительственный эксперимент, когда левый кабинет Л. Жоспена при участии социалистов, коммунистов, левых радикалов и зеленых (1997-2002) «сосуществовал» с правым президентом Ж. Шираком, вполне мог бы стать апофеозом ревизионистского курса со-

циалистической левой. Разговоры о разрыве с капитализмом умолкли, и вполне отчетливо обозначилась перспектива переноса на французскую почву идеи мировой социал-демократии. Однако во время президентских выборов 2002 г. социалистическая левая оказалась расколотой. В первом туре «Движение граждан» выдвинуло кандидатом Шевенмана, отказав в поддержке Жоспену. Многие руководители ФСП до сих пор считают Шевенмана главным виновником того скандального и вызвавшего настоящий «шок» у социалистов поражения, которое нанес Жоспену лидер ультраправых Ж.-М. Ле Пен.

По сути, положение ФСП в начале XXI в. во многом напоминает ситуацию партии радикалов в начале XX в. Социалистическая левая зажата между двумя более организованными течениями: перегруппировавшимися правыми силами и набирающими силу ультралевыми. Правые атакуют социалистов, позаимствовав у них такие идейные ценности, как «нация, семья, труд», а крайние левые критикуют ФСП за признание свободной конкуренции и создание «рыночной, а не социальной Европы»¹⁷. То, что происходило в рядах ФСП после 2002 г., есть не что иное, как глубокий идейно-политический кризис, усугубляемый личными амбициями лидеров. Если прежде Миттерану и Жоспену удавалось умирять внутрипартийные распри, оставаясь над всевозможными течениями и приводя их требования на съездах к «социалистическому синтезу», то теперь достигнуть этого не удастся никому. В 2005 г. в ФСП разгорелась ожесточенная полемика в связи с предстоящим референдумом по Конституции Европы. Один из «баронов» ФСП, экс-премьер-министр Л. Фабиус, развернул внутри этой всегда считавшейся европеистской партии кампанию против Конституции. Дело дошло до внутрипартийного референдума, итоги которого хотя и принесли победу сторонникам Конституции, но еще больше раскололи социалистов.

Сплотившись вокруг Сеголен Руаяль на время президентских и парламентских выборов 2007 г. и проиграв их, социалисты оказались втянуты в еще более острую внутрипартийную склоку. Съезд партии в ноябре 2008 г. проходил под лозунгами «обновления левой» и «перегруппировки сил». В борьбе за кресло первого секретаря ФСП, способного возглавить левых на выборах в Европарламент в 2009 г., а в перспективе – и в президентской кампании 2012 г., первоначально скрестили шпаги

17 Le Nouvel Observateur. № 2289. 2008. 18-24 septembre. P. 14.

лидеры четырех фракций. Затем число соперников или точнее соперниц сократилось до двух: с одной стороны, Руаяль, с другой экс-министр правительства Жоспена М. Обри. Выбирая между ними, делегатам предстояло определиться относительно стратегии партии. Руаяль предлагала поменять союзников и пойти на сближение с правоцентристскими силами, Обри отстаивала идею верности традициям и «чистоты левой», но в то же время отказывалась идти на союз с шевенманистами. В упорной борьбе победу одержала Обри, а вместе с ней, по мнению многих специалистов, «курс на имобильность ФСП»¹⁸. В результате, на ноябрьском съезде ряды ФСП покинула очередная группа левых во главе с «историческим» социалистом, представлявшим некогда миттерановское крыло в партии, Ж-Л. Меланшоном. Решительно выступая против сближения с правоцентристами, Меланшон, также бывший противник Конституции Европы, создал «Левую партию». Заявив о своей антилиберальной направленности, она заключила соглашение с ФКП о совместных действиях в рамках Левого фронта на предстоящих выборах в Европарламент¹⁹.

На сегодняшний день в Левой партии насчитывается 2500 человек. В качестве ее стратегической цели Меланшон наметил «реформировать ряды противников Конституции с тем, чтобы на европейских выборах опередить как кандидатов правых, так и социалистов»²⁰. Как пишут политические обозреватели, он «грезит о правительственной партии по типу левой в Германии»²¹.

Накануне выборов в Европарламент (ЕП) 6-7 июня 2009 г., противоречия среди активистов ФСП, еще больше обострились. Руаяль оказалась в полной изоляции у себя в партии и «искала самовыражения» в выступлениях вне ее, а часто и за пределами своей страны. При этом не всегда удачно. Во время недавнего пребывания во Франции автор этой статьи была свидетелем политического скандала, связанного с одним из выступлений Руаяль. Всё началось с того, что на закрытом приеме в Елисейском дворце президент Франции Н. Саркози не слишком удачно высказался о премьер-министре Испании социалисте А. Сапатеро:

18 Le Nouvel Observateur. № 2299. 2008. 27 novembre - 3 décembre.

19 <http://www.rue89.com/crjchet-gauche/2008/11/13/melenchon-creee-son-parti-de-gauche-et-tente-de-rassembler>

20 Le Nouvel Observateur. № 2308. 2009. 29 janvier - 4 février.

21 Ibid.

«Ну, он, может быть, и не особо умен, однако я знаю тех, кто был куда умнее, но при этом так и не смог выйти во второй тур президентских выборов». Фраза тут же попала в прессу. Безусловно, подобное высказывание в адрес главы правительства дружественной страны, к тому же сделанное накануне его официального визита в Испанию, спровоцировало в левых СМИ шквал критики в адрес президента. Но еще больше французскую общественность возмутили действия Руаяль, которая, попытавшись заработать на этом скандале политический капитал, отправилась в Испанию и принесла там публичные извинения от имени «всей Франции». Эта претенциозная попытка говорить от имени «всей Франции» окончательно рассорила Руаяль с руководством ФСП. Примечательно, что на многолюдной парижской манифестации 1 мая 2009 г., объединившей на время всех левых лидеров, Руаяль отсутствовала. Сама она говорила о том, что просто предпочла в этот день быть не в столице, а «среди рядовых членов соцпартии» региона Пуату-Шаранта, где возглавляет генеральный совет. Между тем, политические обозреватели единодушно отмечают, что с момента последнего партсъезда Руаяль ни разу не переступала порога парижской штаб-квартиры ФСП на улице Сольферино и ни разу не встречалась с Обри.

Таким образом, социалистическая левая переживает не лучшие времена. Иногда ФСП даже сравнивают с обезглавленной уткой, бегущей по инерции в непонятном направлении²².

Последствия «братоубийственного» съезда ФСП 2008 г. в Реймсе наглядно проявились во время выборов в ЕП 2009 г. Социалисты вышли из них с тяжелыми потерями, проиграв по трем направлениям, как справа, так и слева. Во-первых, ФСП в целом уступила правым, отстав от президентской партии Союз за народную демократию (СНД): социалисты получили 16,5% голосов, что дало им право на 15 депутатских мест, тогда как соратники Саркози собрали 28,4% голосов и получили 28 мест. Для сравнения заметим, что на выборах 2004 г. в ЕП у социалистов было 28,89 % и 31 место, а у СНД соответственно 16,64% и 17 мест.

Во-вторых, на левом фланге социалистов заметно потеснили зеленые. Хотя ФСП и осталась второй партией в стране по общему числу проголосовавших за нее, коалиция «Экологическая Европа» завоевала

22 Le Nouvel Observateur. № 2296. 2008. 6-12 novembre.

16,3% голосов и 14 мест – лишь немногим меньше, чем социалисты²³.

И, наконец, в-третьих, для самой ФСП низкие результаты стали свидетельством продолжающегося внутривнутрипартийного кризиса и неудачного электорального дебюта нового лидера партии. Комментируя по горячим следам итоги выборов, Обри не искала оправданий:

«Сегодня вечером я готова принять на себя всю меру ответственности социалистической партии за полученные результаты. Я не пытаюсь объяснять их влиянием извне»²⁴.

Собрав 9 июня в Париже национальный совет, чтобы проанализировать результаты выборов в ЕП, Обри предложила соратникам по партии стратегию обновления, которая включает в себя разработку экономического проекта, альтернативный либеральному; объединение усилий левых сил для победы над правыми на предстоящих выборах всех уровней; переосмысление социалистической доктрины в масштабах не только Франции, но и мировой социал-демократии. Примечательно, что Обри предложила направить Руаяль представительницей от Франции в Социнтерн и, засвидетельствовав свое уважение лидеру зеленых Д.Кон-Бендиту как «убежденному европейцу и борцу за экологию», подчеркнула, что «вне левого движения экология останется красивой, но нереальной идеей»²⁵. Иными словами, ФСП в лице ее нового руководства сделала очередную заявку на роль авангарда левых сил во Франции.

Коммунисты

Идентифицировать коммунистическую левую несложно. Французская коммунистическая партия (ФКП) появилась на свет в 1920 г., когда на съезде СФИО в Туре большинство социалистов высказалось за вступление в Коминтерн. С самого начала партия отличалась внутренней дисциплиной, а в идейном плане руководствовалась принципами марксизма-ленинизма. В межвоенный период ФКП подчинялась директивам Коминтерна и всегда следовала в русле политики СССР. Внутри страны эта преданность проявлялась в том, что ФКП в 1920-е гг. боро-

23 <http://www.lexpress.fr/actualite/politique/les-resultats-des-elections-europeennes-2009-en-france-765129.html>.

24 <http://www.parti-socialiste.fr/>.

25 <http://www.parti-socialiste.fr/>.

лась с социалистами, как с «социал-фашистами», а потом поддерживала их в период правительства Народного фронта в 1936 г. При жизни И.В.Сталина ФКП была «сталинистской», после его смерти «антисталинистской». Вместе с советским руководством она клеймила И.Тито, затем мирилась с ним; приветствовала китайскую революцию и Мао Цзэдуна, потом обрушивалась на них с критикой. Все эти зигзаги не могли не сказываться на рядовых коммунистах и активистах, многие из которых покидали партию на каждом очередном вираже ее политики. ФКП изредка участвовала в правительствах (1944-1947, 1981-1984, 2000-2002), но никогда не получала ключевых министерств.

Однако коммунисты долгое время доминировали в левом интеллектуальном и социо-культурном пространстве. Взлет популярности ФКП начался в эпоху Народного фронта, но настоящий ее триумф пришелся на первые послевоенные годы. ФКП, по сути, сумела создать то, что не смогла СФИО, а именно – общественный контрпроект, направленный против правых партий, по типу немецкой социал-демократии, и получивший поддержку самого мощного из профсоюзных объединений ВКТ. Не участвуя в правительственных комбинациях периода «холодной войны», коммунисты укрепили свои позиции среди рабочих и не раз поднимали трудящихся на мощную забастовочную борьбу. Вплоть до 1958 г. электоральная поддержка ФКП ни разу не опускалась ниже 25%. Коммунистам удавалось на деле отстаивать интересы трудящихся благодаря широкому представительству в муниципалитетах, каковые они нередко возглавляли, а также благодаря руководству рабочими комитетами на предприятиях. Кроме того, коммунистическая левая имела самую широкую поддержку со стороны французских интеллектуалов. Часть их непосредственно вступила в ряды ФКП, другая – активно поддерживала, составляя особый отряд «попутчиков коммунизма».

Коммунистические иллюзии рассеивались постепенно. В первую очередь, на этот процесс влияла политика СССР. Французские коммунисты болезненно пережили доклад Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина, венгерские события 1956 г., подавление «Пражской весны» 1968 г. Возникновение общества массового потребления, повлекшее за собой резкое сокращение численности промышленных рабочих, стало внутренним фактором, ослаблявшим влияние ФКП. Если в первом туре президентских выборов 1969 г. кандидат от ФКП Ж.Дюкло получил 21% голосов, а на парламентских выборах 1968,

1973 и 1978 гг. коммунистам еще удавалось собирать до 20% голосов, то после 1978 г. доминирующее положение на левом фланге прочно заняла ФСП. Коммунистам впредь оставалось лишь подсчитывать потери. Но руководство партии долгое время не желало ни реформировать ее доктрину, ни делать выводов из уроков истории. В феврале 1985 г. на съезде ФКП ее генеральный секретарь Ж. Марше заявил о «стратегическом отставании» партии на 15 лет и признал ошибкой подписанную вместе с социалистами Совместную программу левых сил. В результате подобных выводов, ФКП ужесточила «классовую риторику» и отказалась от демократизации внутривнутрипартийных структур, чем, на деле, еще больше ослабила свое влияние в обществе.

Развал СССР и крушение мировой системы социализма все же заставили ФКП встать с середины 1990-х гг. на путь модернизации. Стратегия «мутации» компартии, избранная ее новым лидером Робером Ю, предполагала отказ от норм демократического централизма и превращение ФКП в широкую социально-политическую ассоциацию антилиберальной направленности. В идеологическом плане лидеры партии попытались придать «абсолютно новую форму французскому коммунизму» с тем, чтобы окончательно отказаться от не оправдавшей себя модели «реального социализма». В программе ФКП исчезли нападки на рыночную экономику, упоминания о необходимости широкомасштабной национализации и о революционной борьбе с институтами Пятой республики. Стало более гибким и отношение к евроинтеграции.

Однако новый курс не оправдал надежд партийного руководства. На президентских выборах 2002 г. коммунистический кандидат Р. Ю получил в первом туре лишь 3,37% голосов, а на парламентских выборах того же года за коммунистов проголосовало только 4,9% граждан. Опросы общественного мнения подтвердили, что значительная часть традиционного электората ФКП отвернулась от нее. Партию постиг «кризис идентичности».

Тогда тональность выступлений коммунистических лидеров вновь приобрела былой радикализм. Теперь они заявляют о намерении решительно противостоять неолиберальному натиску на общественный сектор экономики и добиваться кардинальной демократизации государственных институтов путем усиления прерогатив законодательной власти. Возглавившая партию в 2003 г. Ж.-М. Бюффе выступила за сохранение особой «коммунистической идентификации». Однако и это

не исправило положения. На президентских и парламентских выборах 2007 г. партию постигла серьезная неудача: в первом туре президентских выборов Бюффе получила лишь 1,93% голосов, а на парламентских выборах ФКП набрала 2,28% голосов, получив всего 15 депутатских мест – на шесть меньше необходимого минимума для формирования самостоятельной фракции. Коммунистам пришлось создать общую с «зелеными» и другими левыми группами фракцию – «Демократическая и республиканская левая», насчитывающую 25 человек. Впрочем, и ей не удалось избежать раскола. 9 декабря 2008 г. бывший Национальный секретарь ФКП, а ныне сенатор Робер Ю провозгласил создание организации под названием «Новое прогрессистское пространство». Заявив, что теперешняя ФКП «не в состоянии реформироваться», и, пытаясь в известной мере реанимировать Совместную программу левых сил 1972 г., экс-глава коммунистов призывает создать «новую левую силу, открытую союзу с ФСП»²⁶.

И все же, по мнению специалистов, хотя ФКП сегодня и выглядит как партия из другой эпохи, она еще длительное время останется неотъемлемой частью французского политического ландшафта. Коммунистам удастся удерживаться на плаву благодаря прочным связям с ВКТ и некоторыми муниципальными бастионами. Нельзя отрицать также того факта, что политическая культура коммунизма пустила глубокие корни во французском обществе и что коммунистическая левая оказала заметное влияние на облик французской демократии. Сегодня среди левых активистов можно встретить немало бывших коммунистов, ностальгирующих по прошлому величию партии и жаждущих новых классовых сражений. И сегодня коммунистическая левая является регулярным «поставщиком кадров» для ультралевого фланга.

На выборах 2009 г. в ЕП коммунисты и группа экс-социалиста Ж-Л. Меланшона составили коалицию «Единый левый фронт», за которую проголосовало 6,8% избирателей. Это на 1% больше по сравнению с 2004 г., что еще раз подтвердило стабильность коммунистической левой во Франции.

Ультралевые

В рядах крайне левых группируются доктринеры и активисты раз-

26 Le Nouvel Observateur. № 2308. 2009. 29 janvier – 4 février 2009.

ных политических оттенков. Они никогда не имели мощной партии и никогда не занимали высоких правительственных постов²⁷. Их политическая культура – ее называют «либертаристской» строится не только на определенном способе «делать политику и реагировать на изменения», но также исходит из своеобразного мироощущения с присущими ему специфическими нормами и ценностями. Она была привнесена на французскую политическую почву Революцией 1789 г. Крайне левые заявили о себе как критики «новых правил политической игры», установленных во Франции после падения Старого порядка, выдвинув собственную программу обустройства общества. М. Винок считает их идейным отцом Г. Бабёфа, организовавшего в 1796 г. «Заговор равных», основываясь на коммунистических принципах²⁸.

Либертаризм как специфическое левое течение в законченном виде оформился к концу XIX в., когда рабочее движение стало самостоятельной силой. В то время он выступал под лозунгами анархизма и анархо-синдикализма. В начале XX в., когда на историческую арену вышел «коммунизм большевистского образца» и на политической карте мира появилось первое социалистическое государство – СССР, у либертаристов появился серьезный и одно время гораздо более привлекательный для масс конкурент в борьбе за революционное ниспровержение капитализма. Однако либертаризм не исчез, хотя и видоизменился.

В 1930-е гг. «семья» ультралевых пополнилась троцкистами. В 1960-е гг. в ней появились маоисты. Всех вместе участников «красного мая» 1968 г. называли «гошистами», а созданные ими в последующий период партии – «Борьба рабочих», «Революционная коммунистическая лига» и «Независимые коммунисты» – определялись как «троцкистские».

Несмотря на идейный эклектизм, ультралевые с самого своего появления ратовали за продолжение дела Французской революции и за достижение «истинного» политического, социального и экономического равенства, за отсутствие которого они неизменно критиковали французскую демократию. Долгое время ультралевые презирали формально-юридическую демократию, установленную Революцией и не доверяли

27 Подробнее см., например: *Les cultures politiques en France / Sous dir. S.Berstein. P., 2003. P. 259-303.*

28 *Winock M. Op. cit. P. 26.*

всеобщему избирательному праву, коим, по их мнению, легко «манипулирует буржуазия». Со времен О. Бланки и до эпохи Ж.-П. Сартра они руководствовались лозунгом: «Выборы – ловушка для дураков». Однако постепенно, преследуя пропагандистские цели, леваки и сами втянулись в электоральный процесс. Участвуя в нем, они обвиняют Государство в «узурпации народного суверенитета», требуют «расширенной демократии участия». Крайне левые не приемлют капитализм с его рыночной экономикой, отчуждением личности и конкурентной борьбой. Их политический идеал – коренное изменение общества, причем самым радикальным методом – посредством революционного насилия.

Теоретики либертаризма на протяжении всей истории французских левых сил неоднократно призывали к восстанию или к революции. В принципе, они обычно выступают противниками диктатуры революционной партии, особенно если та представляет собой строго иерархизированную политическую организацию, обладающую аппаратом для подавления инакомыслящих. Ультралевым близки идеи автономии, самоуправления. Их индивидуализм доходит до требования разрыва с современным обществом и его ценностями. В коллективной памяти ультралевых зафиксирован длинный список мучеников во имя свободы, однако они по-прежнему готовы жертвовать собой ради «чистой и бескорыстной революции». Повсюду, где бы ни проявлялась сила государственной или партийной власти, ультралевые протестуют и оспаривают ее. Они никогда не выступают единым фронтом, всегда разрозненны, но всякий раз возрождаются из пепла, когда нужно раскритиковать «поплекших социалистов» и «сталинистских отщепенцев»²⁹.

Взлет либертаризма приходится на «красный май» 1968 г., когда «зашаталось французское общество»³⁰. А звездный час электорального успеха ультралевых настал во время президентских выборов 2002 г., принесших трем троцкистским партиям, вместе взятым, около 11% голосов избирателей. К моменту очередных президентских и парламентских выборов 2007 г. у крайне левых появился молодой и чрезвычайно популярный лидер О.Безансено, член Революционной коммунистической лиги. Хотя он во время президентской кампании получил всего лишь 4,3% голосов, весьма примечательным было то, что впервые кан-

29 *Winock M.* Op. cit. P. 28.

30 *Les cultures politiques en France.* P. 292.

дидат троцкистов обошел коммунистов. Похоже, что поражение на парламентских выборах ультралевые пережили легче, чем другие партии большой семьи французских левых. Оно не разобщило, а, напротив, сплотило их вокруг Безансено. После двухлетней подготовительной работы он возглавил в феврале 2009 г. Новую антикапиталистическую партию (НАП), пришедшую на смену самораспустившейся Революционной коммунистической лиге.

НАП провозгласила себя «революционной левой XXI века», стремящейся вобрать в себя «лучшие традиции рабочего движения, будь то троцкистские, социалистические, коммунистические, либертаристские, геваристские, радикально экологические, альтерглобалистские» и противостоять как правительству Саркози, так и ФСП³¹. Последнюю НАП считает носительницей «чуждых социал-либеральных идей». В разделе программы НАП «Социализм XXI века» говорится, что она – «партия борьбы», по сути «антикапиталистическая, интернационалистская, антирасистская, экологическая, феминистская», выступающая против «любой дискриминации». В части под заголовком «Революционное свержение капитализма» говорится, что НАП добивается в рамках «новой перспективы демократического социализма... революционного преобразования общества, конца рыночной экономики, ...низложения Государства, частной собственности, эксплуатации»³². В качестве альтернативы она предлагает построение «демократии производителей и производительниц, в рамках добровольных ассоциаций решающих что, как и сколько производить». В разделе «Демократия самоуправления и индивидуальные свободы» дается нелестная характеристика «режимам экс-советского блока» как «бюрократическим демократиям»³³.

Партия НАП отказалась участвовать в едином левом фронте на выборах в ЕП, ибо решительно отвергает союз не только с центристами и социалистами, но нападает и на ФКП за то, что та «неспособна порвать с ФСП»³⁴. Тем не менее, НАП имеет единомышленников на крайне левом фланге. Прежде всего, вне ее остается «Рабочая борьба», существующая еще с 1968 г. и считающаяся тоже троцкистской. Она заявляет о

31 http://fr.wikipedia.org/wik/Nouveau_Part_anticapitaliste#Notes_et_r.C3.A9f.C3.A9rances

32 Ibid.

33 Ibid.

34 Le Nouvel Observateur, № 2308. 2009. 29 janvier – 4 février 2009.

наличии в ней 8600 членов и стремлении «остаться единственной партией, защищающей интересы трудящихся»³⁵. Глава «Рабочей борьбы» Н. Арно говорит о том, что его партия открыта диалогу с Безансено, но на европейские выборы она пошла самостоятельно. Наконец, на крайне левом политическом поле присутствует весьма разношерстная по политическому составу «Федерация». Она организовалась 17 декабря 2008 г. и объединяет коммунистов-унитаристов, антиглобалистов, единомышленников Ж. Бове, прославившегося борьбой против генетически модифицированных сельскохозяйственных культур, нескольких представителей партии Зеленых, а также независимых политиков. Стратегия «Федерации» нацелена на создание «новой политической силы, способной осуществить социальные преобразования»³⁶. Большинство ее членов выступало за единый фронт левых сил на выборах в ЕП.

Европейские выборы принесли несомненный успех ультралевым организациям. Впервые выступив на них, НАП в целом показала неплохие результаты, собрав 4,8% голосов. Кроме того, 1,3% голосов получила «Рабочая борьба». Некоторые аналитики полагают, что если присовокупить голоса ультралевых к голосам коалиции «Единый левый фронт», то для крайне левых могут открыться интересные перспективы при перегруппировке их сил накануне президентских выборов 2012 г.³⁷

* * *

Подводя итоги, следует отчасти согласиться и с Р. Арном, утверждавшим, что левые – это миф, и с М. Виноком, настаивающим на том, что левые все еще пребывают в состоянии поиска цели, достойной их прогрессистского прошлого, а потому испытывают кризис идентичности³⁸. Но именно только *отчасти*. С одной стороны, левые, действительно, редко когда выступали во Франции единым фронтом. За всю их более чем двухсотлетнюю историю таких моментов было не так уж много. В 1877 г. левые республиканцы во главе с Гамбеттой одержали победу на парламентских выборах и окончательно утвердили режим Третьей

35 Ibid.

36 Le Nouvel Observateur, № 2308. 2009. 29 janvier – 4 février 2009.

37 <http://www.lexpress.fr/actualite/politique/les-resultats-des-elections-europeennes-2009-en-france-765129.html>.

38 Aron R. L'Opium des intellectuels. P., 2002. P. 23; Winock M. Op. cit. P.31.

республики. В 1902 г. Левый блок пришел к власти под лозунгом светской республики, а в 1936 г. Народный фронт – под знаменем антифашизма. В 1972 г. левых объединила СПЛС. В 1981-1984 гг. коммунисты участвовали в правительстве Миттерана, а в 1997-2002 гг. – Жоспена. С другой стороны, невзирая на острую внутри- и межпартийную борьбу в рядах левых сил, их электорат продолжает обеспечивать им поддержку на местном уровне, подтверждая тем самым прочность левой политической культуры во Франции. Чем еще объяснить ошеломляющие успехи левых на региональных выборах 2004 г. и муниципальных 2008 г.? В обоих случаях они побеждали, невзирая на стратегический тупик, в котором пребывали социалистические лидеры, падение влияния коммунистов и постоянные перемены у троцкистов. Электорат социалистов поддерживал на этих выборах политиков, не претендующих на должности в штаб-квартире ФСП на улице Сольферино, но популярных на местах, в «своих» муниципалитетах и регионах. Благодаря этим активистам, ФСП на съезде 2008 г. сумела избежать полного раскола и повторения участи радикалов 1972 г.

Безусловно, единству французских левых мешает «извечный дуализм коллективного сознания», который на сегодняшний день выглядит как противостояние «правительственной» и «протестной» левой. Но наряду с этим, можно сказать, внутрисемейным раздором, французская левая подвергается угрожающему воздействию извне, со стороны меняющегося мира, кардинальным образом преобразующего ценностные ориентиры граждан. Согласно опросам общественного мнения, 37% французов считают себя левыми³⁹. В то же время разница между политическими пристрастиями левых и правых во многом стерлась. И те, и другие благосклонно относятся к усилению государственного вмешательства в экономику, 45% граждан левых взглядов выступают в поддержку Биржи. Невелики различия и в отношении к различным аспектам жизни общества: большинство и тех, и других благожелательно настроены по отношению к гомосексуалистам и к работе женщин. В качестве различий можно заметить лишь то, что левые несколько более терпимы к мелким правонарушениям, к иммигрантам и менее решительно требуют восстановления смертной казни.

Если говорить об эволюции социального облика французской

39 Duamel O., Méchet Ph. L'Etat de l'opinion. P., 2003. P. 96.

левой, то бросаются в глаза существенные перемены в культурно-образовательном уровне ее представителей по сравнению с предыдущими столетиями. Теперь намного больше, чем раньше, представителей высших кадров и лиц интеллектуальных профессий, а также людей, получивших высшее образование, относят себя к левым. И, напротив, стало меньше граждан со средним образованием, считающих себя левыми⁴⁰. Комментируя результаты опроса, его составители С. Марсель и Д. Витковски приходят к такому выводу: «Ища сегодня свое место... на шкале левые-правые, французы выражают приверженность целому набору культурных, символических, а также семейных и исторических традиций, которые, на их взгляд, до сих пор не утратили ценности»⁴¹. Иными словами, сохранились определенное «состояние левого духа» и тип реакции на происходящее.

Вместе с тем, размышляя об общем векторе развития Франции, нельзя не согласиться с выводом С. Берстайна о том, что к началу XXI в. его страна «вошла в клуб мировых демократий ценой утраты своей исключительности,... ибо ее политические субкультуры (речь идет о левых и правых – *Г.К.*) от прежней решительной нацеленности на реализацию собственных проектов переустройства общества перешли к упрощенному варианту дебатов вокруг применения разных подходов к управлению системой, базовые принципы которой уже никто не оспаривает»⁴². Теперь уже не существует диаметральной противоположности между понятиями «прогресс» и «консерватизм», да и само представление о прогрессе в современных условиях чрезвычайно усложнилось. К тому же неоднократно случалось, что правые «проводили левую политику». Не является ли символичным то, что уже более шестидесяти лет тому назад, сразу после Освобождения, генерал де Голль, человек правых взглядов, осуществил несколько сугубо «левых» мер – предоставил право голоса женщинам, провел национализацию и создал систему соцобеспечения; даровал независимость Алжиру и Черной Африке; создал такие институты власти и придерживался такой внешней политики, которые в основных чертах были поддержаны левыми, благодаря чему голлистам долгое время отдавали голоса народные массы из «традици-

40 Ibid. P. 95-122.

41 Ibid. P. 121-122.

42 Les cultures politiques en France. P.420-421.

онного левого электората»? Не символично ли то, что социалист Ж. Делор участвовал в правительстве голлиста Ж.Шабан-Дельмаса, а социалисты Б. Кушнер и Э. Бессон входят в нынешнее правое правительство Саркози? Если же посмотреть на проблему под другим углом зрения, то окажется, что нынешняя ситуация подтверждает успех левой идеологии в овладении французским обществом на протяжении XX в., поскольку сегодня носитель правых взглядов разительно отличается по своим мировоззренческим ценностям от «собратьев» прошлых столетий.

История учит нас считать с тем, что представления и образы, порожденные реальностью, укореняются в коллективном сознании гораздо глубже, чем длится сама эта реальность. Движение истории все время ускоряется, и нынешний кризис в рядах французских левых лишний раз напоминает им о необходимости постоянного обновления и подтверждения собственной идентичности.